

**РОССИЙКО-КАЗАХСТАНСКАЯ ГРАНИЦА VS. РУССКО-КАЗАХСКАЯ ГРАНИЦА:
КОНКУРЕНЦИЯ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ И ЭТНОНИМИЧЕСКИХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ И В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ***

Приводятся данные нескольких корпусных экспериментов, на основании которых делаются выводы не только об употребительности оттопонимических прилагательных *российский*, *казахстанский* и этнонимических *русский*, *казахский* в русском языке России и Казахстана, но и о том, в какой из этих двух стран русский язык в большей степени ориентирован на государственный (гражданский) компонент значения данных лексем, чем на этнический.

Ключевые слова: язык СМИ, интернет-коммуникация, корпусная лингвистика, этнонимы, катойконимы, этничность.

Подобно тому, как на протяжении XX в. менялось значение слова *россияне* [Грищенко, 2012], значительному семантическому сдвигу подверглось и прилагательное *российский*¹, которое в настоящее время противопоставлено слову *русский* как оттопонимическое (производное от *Россия*), а не этнонимическое (связанное с др.-рус. этнонимом *Русь* и современным *русские* – из более раннего *люди русские*), хотя в [БАС, 1961. Стлб. 1472–1473] в качестве первого значения приведено ‘русский’, и лишь второе ‘относящийся к России’, тогда как уже в [МАС, 1959. С. 969] приводится одно, исключительно оттопонимическое, значение – «*Прил<агательное> к Россия*» (то же и в [БТС, 2000. С. 1129]). За прилагательными *русский* и *российский* к настоящему времени в целом закрепились определенные сочетае-

мость, например: *русский язык*, *русский народ* (vs. *российский народ* – понятие, вызывающее множество споров), *русская литература* и т. п., но *российское правительство*, *российские товары*, *российский рубль* и т. п., – иначе говоря, оба слова противопоставлены по признаку «этническое – государственное», хотя существует и некоторая зона переходности, в которой данное противопоставление снимается (например, *русские / россияне авторы / ученые* – не только пишущие по-русски, но и работающие в России), не говоря уже о том, что при переводе на основные языки мира разница между *русский* и *российский* полностью стирается².

Другие аналогично противопоставленные пары прилагательных в русском языке довольно редки: *латышский / латвийский*,

* Работа выполнена по гранту Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-3307.2013.6, проект «“Своя” и “чужая” этничность в русской лексике и фразеологии».

¹ Впервые в качестве синонима к слову *русский* фиксируется с начала XVI в. [Клосс, 2012. С. 57–61].

² При этом, однако, в некоторых случаях она могла бы быть адекватно передана. Так, О. Н. Трубачев справедливо отмечал, что официальное название нашей страны *Российская Федерация* должно было быть переведено на английский как *Federation of Russia* (вместо неправильного, но уже окончательно устоявшегося *Russian Federation*) [2005. С. 235].

казахский / казахстанский (и почти все образования от топонимов на *-стан*, кроме, пожалуй, *Афганистан*, поскольку слово *афганский* само по себе не маркировано этнически), – а их смешение до сих пор весьма распространено не только в разговорной речи, но и в текстах СМИ. Так, в Газетном подкорпусе НКРЯ³ на 10 вхождений словосочетания *казахстанский газ* приходится 24 для *казахский газ* (ср. там же: *латвийские шпроты* – 23, *латышские шпроты* – 1).

Вполне естественно, что использование оттопонимических, а не этнонимических прилагательных закономерно в тех случаях, когда речь идет о государственной границе, т. е. нормативными можно признать исключительно словосочетания *российско-казахстанская граница* и *казахстанско-российская граница*, что подтверждается данными Газетного подкорпуса НКРЯ: *российско-казахстанская* 117, *российско-казахская* 11, *русско-казахстанская* 1, *русско-казахская* 1, ср. там же: *казахско-российская* 2, *казахстанско-российская* 2, *казахстанско-российская* 1, *казахско-российская* 1. Как видно из приведенных статистических данных, словосочетания с первым компонентом *российско- / русско-* значительно преобладают над теми, которые начинаются с *казахско- / казахстан(ск)о-*: 130 вхождений против шести, причем во всех контекстах второго типа речь идет о движении в Россию со стороны Казахстана, например: *Газопровод должен пройти вдоль Каспийского побережья из Туркмении через Казахстан в Россию, чтобы состыковаться с существующим трубопроводом «Средняя Азия – Центр» на казахстанско-российской границе* (РИА Новости. 10.03.2008); *Отозвав меня в сторону, попутчики Миркамил Аликулов и Шухрат Маматов попросили помочь им перевезти через казахско-российскую границу и доставить до Омска 200 граммов героина, за что мне заплатят 200 долларов* (Труд-7. 11.20.2002).

Данный факт, конечно, объясняется тем, что в Газетный подкорпус НКРЯ включены только российские СМИ, и, таким образом, их авторы находятся «по эту сторону границы» – в российском фокусе эмпатии, причем даже в тех контекстах, в которых речь идет

о движении из Казахстана, например: *Но прежде всего хотел бы обратить внимание на то, что практически все наркотики афганского происхождения идут через российско-казахстанскую границу* (Комсомольская правда. 03.06.2009); *Огонь перешел российско-казахстанскую границу и стал распространяться по территории Михайловского района Алтайского края 8 сентября, ситуацию осложнял порывистый ветер, который достигал 30 метров в секунду* (РИА Новости. 12.30.2010).

Однако значит ли это, что в речи находящихся «по ту сторону границы» столь же симметрично будут преобладать сочетания с первым компонентом *казахстан(ск)о- / казахо-?* Так, в ходе социолингвистического эксперимента, проведенного нами в ноябре 2012 г. среди профессорско-преподавательского состава Казахского национального педагогического университета им. Абая⁴, выяснилось, что первой реакцией на изображение государственной границы между Россией и Казахстаном (слайд с фрагментом карты, на которой выделена данная граница) был ответ *казахстанско-российская граница*. Однако, применив корпусные методы к электронным версиям нескольких русскоязычных казахстанских СМИ и блогосфере, мы обнаружили, что им вовсе не чуждо употребление рассматриваемого словосочетания в «российском фокусе», т. е. с первым компонентом *российско- / русско-*. Поиск по «региону “Казахстан”» в системе «Яндекс-Блоги» продемонстрировал, что «казахстанский фокус» превышает «российский» всего

⁴ Попутно отметим, что университет назван *Казахским*, а не *Казахстанским* – то же и по-казахски: *Абай атындағы Қазақ (не Қазақстан!) ұлттық педагогикалық университеті*, тогда как в России нет ни одного государственного *Русского университета, института* или *академии*, хотя существует государственная *Академия русского балета* (не *российского!*) *балета им. А. Я. Вагановой*. В последнем случае мы имеем дело с упомянутым выше разграничением сочетаемости атрибутов *русский* и *российский*: в Основном корпусе НКРЯ *русский балет* встречается в 79 документах (140 вхождений), тогда как *российский балет* – лишь в трех документах (три вхождения); в Газетном подкорпусе то же соотношение выглядит как 174 документа (229 вхождений) vs. 19 документов (23 вхождения). Язык современных российских СМИ (Газетный подкорпус НКРЯ), как уже было продемонстрировано ранее [Грищенко, 2012. С. 133], на фоне среднестатистических данных (Основного корпуса) в большей степени привержен лексемам с основами *российск-* и *россиян-*, нежели *русск-*.

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Таблица 1

	Газета «Казахстанская правда» *	Газета «Экспресс К» **
«Казахстанский фокус»	<i>казахстанско-</i> 203 <i>казахстано-</i> 1 <i>-российская</i> 204	<i>казахстанско-российская</i> 123
«Российский фокус»	<i>российско-казахстанская</i> 109	<i>российско-казахстанская</i> 35
Преобладание «казахстанских» контекстов	в 1,87 раза	в 3,51 раза

* <http://www.kazpravda.kz/>** <http://www.express-k.kz/>

в 1,41 раза (31 контекст⁵ с первым компонентом *казахстан(ск)о-* / *казахо-*, 22 контекста – *российско-* / *русско-*), хотя общее количество употреблений настолько невелико, что не дает оснований для статистически значимых выводов. Для сравнения: в «регионе “Россия”» 360 контекстов с первым компонентом *российско-* / *русско-* и 72 контекста – *казахстан(ск)о-* / *казахо-*, т. е. в первых в пять раз больше. Если же проводить поиск по электронным версиям отдельных изданий, то оказывается, что на сайте газеты «Комсомольская правда Казахстана»⁶ ни одно из словосочетаний, обозначающих границу России и Казахстана, не представлено вовсе, а между другими изданиями наблюдается существенное различие в преобладании «казахстанского фокуса» (табл. 1).

Исходя из того, что и в России употребляются обозначения границы России и Казахстана с первым компонентом *казахстан(ск)о-* / *казахо-*, и в русской речи Казахстана встречаются обозначения той же границы с первым компонентом *российско-* / *русско-*, порядок интересующих нас компонентов не может служить точным региональным маркером при корпусном ис-

следовании, однако относительно достоверно (судя по приведенному выше соотношению в Газетном подкорпусе НКРЯ, с погрешностью около 4 %) фиксирует фокус эмпатии, под которым в данном случае понимается не только нахождение автора текста по ту или иную сторону государственной границы и его гражданская принадлежность, но и, по-видимому, идентичность (не важно – гражданская, культурная, территориальная или этническая). Именно сложная идентичность казахстанских журналистов и блогеров, пишущих порусски, видится нам основной причиной того, что в их текстах «казахстанский фокус» преобладает не столь резко, как «российский» у их российских коллег.

Еще одним объяснением такой статистической асимметрии является тот факт, что в русскоязычном экземпляре «Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о *российско-казахстанской* государственной границе» (здесь и далее курсив наш. – А. Г.) (Москва, 18 января 2005 г.)⁷ представлена только такая номинация. Однако в правовых справочных системах Казахстана встречается тот же русский текст Договора, но с инверсией компонентов – «Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о *казахстанско-российской* государственной границе» и далее по всему тексту⁸. Чем объяснить такое терминологическое расхождение, не ясно:

⁵ При обработке запросов в поисковых системах «Яндекс» и «Google» мы учитывали лишь то количество результатов, которое получается после автоматического свертывания наиболее похожих, но и оно, конечно, приблизительно. О трудностях, возникающих при использовании корпусных методов в открытых поисковых системах, в том числе в поиске по регионам, см.: [Беликов, 2011]. Все поисковые операции с помощью указанных систем были произведены нами 12 июня 2013 г.

⁶ <http://www.kp.kz/>

⁷ См. его текст на официальном сайте Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/node/938>.

⁸ Например, в системе «ЮРИСТ»: <http://online.zakon.kz/>.

Таблица 2

Фокус эмпатии	Российский		Казахстанский	
	<i>российско-</i>	<i>-казахстанская</i>	<i>-российская</i>	<i>казахстан(ск)о-</i>
Количество основ	1 890	1 270	1 136	844
	<i>русско-</i>	<i>-казахская</i>	<i>-русская</i>	<i>казах(ск)о-</i>
	321	941	98	390
Коэффициент «гражданское : этническое»	<u>5,89</u>	1,35	<u>11,59</u>	2,16

либо для двух сторон были подготовлены русскоязычные экземпляры, отличающиеся лишь порядком интересующих нас компонентов, либо в казахстанских справочных системах текст был слегка отредактирован, что не менее странно. В публикуемом там же казахоязычном⁹ экземпляре того же договора порядок соответствует «казахстанскому фокусу»: *Қазақстан-Ресей мемлекеттік шекарасы*. Как бы то ни было, для Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева фокус эмпатии очевиден: *И вот, 18 января мы с Владимиром Владимировичем Путиным подписали Договор о казахстанско-российской государственной границе* (Интервью телеканалам «Казахстан» и «Хабар», январь 2005 г.)¹⁰.

В подавляющем большинстве рассмотренных выше случаев обозначения границы между Россией и Казахстаном (кроме результатов поиска по блогосфере) представлены компонентами, производными от оттопонимических прилагательных *российский* и *казахстанский*, а не этнонимических *русский* и *казахский*, однако нас в большей степени интересует их соотношение, причем не только в языке СМИ, но и в более массовом употреблении – во всех текстах русского Интернета, которые во многом, особенно в лексике, могут диагностировать языковые процессы, происходящие в разговорной речи. Иными словами, обращаясь к анализу открытых корпусов – всего доступного поисковым системам сегмента Интернета,

в отличие от закрытых корпусов, прежде всего НКРЯ, – мы попытались выяснить, в каком именно фокусе эмпатии – российском или казахстанском – по отношению к общей государственной границе чаще используются компоненты с основами *российск-* vs. *русск-*, а также *казахстан(ск)-* vs. *казах(ск)-*, откуда можно сделать вывод, где – в России или Казахстане – русская речь более ориентирована на государственный (гражданский) компонент значения, а не на этнический. Возможно, полученные данные могут свидетельствовать о том, в какой из стран в русской речи закреплены более устойчивые представления о гражданской, а не этнической нации, причем не только той, что находится в собственном фокусе эмпатии, но и соседней, пограничной.

Итак, при помощи поисковой системы «Google» нами было по отдельности суммировано количество употреблений оттопонимических и этнонимических компонентов в словосочетаниях *X-Y-ая граница* и *Y-X-ая граница* (с учетом всех возможных падежных форм), где *X* – «российский фокус» (*российско-*, *русско-*), а *Y* – «казахстанский фокус» (*казахстанско-*, *казахстано-*, *казахско-*, *казахо-*) (табл. 2).

Под коэффициентом «гражданское : этническое» мы понимаем простое частное от деления количества оттопонимических основ на количество основ этнонимических. Если сравнивать полученные коэффициенты, то можно предположить, что:

1) представление о «российскости» России (если именно так можно интерпретировать преобладание оттопонимического прилагательного *российский*) гораздо сильнее оказывается в «казахстанском фокусе», из чего можно с осторожностью сделать вывод о том, что в Казахстане в большей степени, чем в самой России, распространено убеждение в существовании общероссийской,

⁹ Чуть реже используется вариант *казахскоязычный*. Аналогичный разницей, по данным поисковой системы «Google», но со статистическим перекосям в сторону деривата с морфом *-ск-*, наблюдается в употреблении прилагательных *латышскоязычный* и *латышезычный*.

¹⁰ Официальный сайт Президента Республика Казахстан. URL: <http://www.akorda.kz/>.

независимой от этнических границ идентичности;

2) представление об общеказахстанской идентичности (если именно так можно интерпретировать преобладание оттопонимического прилагательного *казахстанский*) также преобладает в «казахстанском фокусе».

Из этих предположений можно сделать следующий вывод: русский язык в Казахстане более ориентирован на государственный (гражданский) компонент значения оттопонимических прилагательных, нежели русский язык в России.

Полученные данные частично – в отношении Казахстана – коррелируют с анкетированием студентов высших учебных заведений, проводившимся нами в ноябре 2012 г. в Алма-Ате (226 анкет) и в декабре 2012 г. в Москве (245 анкет)¹¹. Так, если для 59,7 % алма-атинских студентов в Казахстане живут *казахстанцы*, то для 85,3 % московских студентов там живут *казахи*. На вопрос о том, кто живет в России, только 12,2 % московских студентов ответило *русские* (алма-атинских – 22,6 %), а 82 % ответило *россияне* (алма-атинских – 55 %). Таким образом, представление о моноэтничности соседнего, в действительности полиэтничного, государства в большей степени распространены в России, чем в Казахстане.

Представленный корпусный анализ не претендует на методологическую непогрешимость и абсолютную достоверность, но

¹¹ Более обстоятельно анализ данного анкетирования, проведенного также среди студентов и старшеклассников г. Даугавпилса (Латвия), будет представлен нами в отдельной работе.

предлагает пути междисциплинарного синтеза, а сделанные нами выводы могут быть в дальнейшем верифицированы и при помощи лингвистических экспериментов другого типа, и при сопоставлении с данными иных дисциплин, прежде всего социологии и этнологии.

Список литературы

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12.

Беликов В. И. Чего не хватает в «оцифрованном мире» лексикографу и социолингвисту // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2011. Вып. 10 (17). С. 60–67.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. А. С. Кузнецова / СПб.: Норинт, 2000.

Грищенко А. И. К новейшей истории слова *россияне* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 119–139.

Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 3: П–Р.

Трубачев О. Н. *Русский – российский: история, динамика, идеология двух атрибутов нации* // Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 225–236.

Материал поступил в редколлегию 13.07.2013

A. I. Grishchenko

ROSSIYSKO-KAZAKHSTANSKAYA GRANITSA VS. RUSSKO-KAZAKHSKAYA GRANITSA («KAZAKHSTAN-RUSSIA BORDER»): THE COMPETITION BETWEEN DETOPONIMIC AND ETHNONIMIC ADJECTIVES IN CONTEMPORARY RUSSIAN MASS MEDIA AND COLLOQUIAL SPEECH

The article contains the data of a number of corpus experiments, and on the basis thereof concludes on the usage of detoponymic adjectives: *rossiyskiy*, *kazakhstanskiy* and ethnonymic ones: *russkiy*, *kazakhskiy* in Russian language both in Russia and Kazakhstan. The article also discusses in which of the said countries Russian language is more focused on the state (civil) meaning of the above mentioned words, than on the ethnic one.

Keywords: mass media language, Internet communication, corpus linguistics, ethnonyms, inhabitants names, ethnicity.